

Инна Туголукова
Собака мордой вниз

«АСТ»

2009

Туголукова И.

Собака мордой вниз / И. Туголукова — «АСТ», 2009

Соню Образцову справедливо считают сильной, независимой женщиной. Но кто может представить, сколько страданий пришлось ей пережить, чтобы научиться этой силе и независимости? Предательство возлюбленного – циничного и жесткого человека, выгодно использующего свою привлекательность в борьбе за покорение столицы... Печальная и недолгая связь с женатым мужчиной, вовсе не намеренным разводиться. После такого женщине трудно поверить в искренность чувства представителя «худшей половины человечества» – особенно такого, как ее новый шеф, преуспевающий предприниматель Арнольд Гусев. Поначалу Соня вообще принимает ухаживания Гусева за глупый розыгрыш. Однако Арнольд не намерен отступать. Он уверен, что Соня – именно та женщина, с которой он будет счастлив.

© Туголукова И., 2009

© АСТ, 2009

Содержание

* * *	5
1	6
2	9
3	13
4	16
5	24
6	29
7	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Инна Туголукова

Собака мордой вниз

* * *

У каждого внутри есть тайный враг, своего рода пятая колонна, готовая атаковать в любую минуту. У одного это почки, у другого печень, у третьего предстательная железа, она же простата. У Сони Образцовой это был язык.

«И черт меня дернул, – каждый раз думала Соня. – Кого он там за что дергает, неизвестно. Каждого за свое. А вот меня точно за язык. И сколько я всего претерпела из-за этой своей говорливости – несть числа. Но с упорством маньяка, с завидным постоянством наступаю все на те же грабли. И они долбят меня рукояткой по толоконному лбу...»

1

В канун Нового года всех пригласили на корпоративную вечеринку. В их маленькой редакции такое и не снилось. Но теперь Соня работала в компании «Вельтмобил», так что гуляли широко. Тем более что в последнее время дела рванули в гору. Как говорили, благодаря новому генеральному директору Арнольду Вячеславовичу Гусеву.

Арнольд Гусев – ну не бред? При звуках этого имени Соня представляла себе томного брюнета с напмаженными волосами и тонкими усиками, сладострастно стонущего на груди тупой пышнотелой блондинки. Интересно, как его звали в детстве? Арик? Нодик? Соня даже заглянула в энциклопедию личных имен, так, из чистого любопытства. Оказалось, есть варианты: Аря, Нодя и Ноля. Можно только догадываться, какие комплексы развиваются у мальчика с кличкой Ноля.

Вообще Соня вычурных имен не любила, считала, что от них одни неприятности. Безумные родители выпендриваются, а страдают безвинные дети. Например, ее бабушку, простую русскую женщину, назвали Констанция. Так захотел ее отец, советский, между прочим, колхозник. «Откуда у парня испанская грусть», теперь уж никто не узнает. То ли скушал чего-нибудь, то ли всеобщая грамотность подкачала, но только регистраторша в сельсовете, ничтоже сумняшеся, записала ее как Квитанция. Так ей, видимо, было понятнее. Тем более что и фамилия у новорожденной была соответствующая – Овечкина. И после бабушкиной смерти они еще долго бегали по судам, устанавливая факт родственных отношений.

Новый генеральный директор между тем оказался рано облысевшим шатеном с красиво седеющими висками и без усов. Насчет тупой пышнотелой блондинки история пока умалчивала, зато доподлинно было известно, что приехал он покорять Москву из Смоленска, где оставил бывшую жену и все, что нажил непосильным трудом. А поскольку первыми в покоренные города врываются танки, то и Арнольд Гусев попер на столицу железным конем, все ссчитая на своем пути. И сразу стал притчей во языцех. Со знаком минус, естественно, потому что рядовых сотрудников, как выяснилось, и за людей-то не считал.

Теперь они работали с восьми до двадцати трех, лучились обязательными приветливыми улыбками, ходили, как детдомовские, в одинаковой желтой спецодежде и с карточками на груди, чтобы покупатели точно знали, на кого пожаловаться в случае чего. А шаг влево, шаг вправо или тем паче открытое выражение неудовольствия карались немедленным увольнением.

Между прочим, еще неизвестно, чем Нодя Гусев занимался в Смоленске и что он вообще за... гусь лапчатый. Вот, например, она, Соня, окончила факультет журналистики МГУ. Это вам не кот начихал. А сюда пришла работать исключительно из-за высокой зарплаты. В редакции о таких деньгах она и мечтать не могла, даже если бы сутками бегала высунув язык и печаталась в каждом номере. Но зачем, спрашивается, нужны большие деньги, если их все равно некогда тратить?

Или вот еще один вопрос: к чему, скажите пожалуйста, салону мобильной связи тридцать первого декабря работать до двадцати трех часов, когда все потенциальные покупатели сидят за столом и работают вилками? В надежде, что какой-то идиот вдруг оторвется от своего оливье и побежит, ломая ноги, за новым мобильником? Но, если даже с трудом допустить его гипотетическое существование, что же, остальным, нормальным людям из-за одного идиота встречать Новый год в пути?

Собственно говоря, Соню этот вопрос интересовал чисто теоретически, исключительно из чувства попанной справедливости. Лично у нее тридцать первого декабря был законный выходной. Но вот, например, Нинка Капустина работает в центре Москвы, а живет, между прочим, в Одинцове. Ей каково?

Из-за Нинки-то все и случилось. Во время торжественной части, перед концертом и фуршетом, блистающий лысиной Арнольд Гусев заворочил подданных перспективами развития руководимой им империи «Вельтмобил» и, видимо, опьяненный будущими успехами, демократично предложил всем желающим поделиться с начальством наболевшим, накопившимся, так сказать, на сердце и в других жизненно важных органах.

Вот тут-то Нинка и впиалась в нее, как энцефалитный клещ.

– Сонечка! Умоляю! Скажи про тридцать первое!

– Сама скажи.

– Ни за что! – затряслась Нинка. – Я его боюсь! В нем нет ничего человеческого...

– Так что же ты меня на заклятие посылаешь?

– Не на заклятие, а на подвиг! В твоей жизни всегда есть место подвигу, ты сама говорила. Тебя хлебом не корми – дай только совершить что-нибудь героическое. «Ни дня без поступка!» – вот твой девиз. А у меня личная жизнь рушится...

(«С каким наслаждением я уничтожаю этих тварей!» – приговаривал обычно Даник, давя занавеской жирных, оглушительно жужжащих осенних мух. На старой даче, куда они ездили, когда его жена Полина возвращалась в город, закрывая летний сезон. Соня потом стряхивала засохшие мушиные трупы на пол и заметала веником в совок. На занавесках и оконных стеклах оставались отвратительные следы. Если бы Нинка была мухой, она бы тоже прихлопнула ее недрогнувшей рукой. Но Нинка человек. Хотя жужжит так же невыносимо.)

– Можно мне сказать! – подняла руку Соня, устав слушать Нинкино нытье.

– Пожалуйста! – великодушно позволил Гусев.

– Наш салон на Тверской тридцать первого декабря работает до двадцати трех часов. И вот если я, допустим, живу в Одинцове, что же мне, встречать Новый год в электричке?

Арнольд Вячеславович изящно склонился к микрофону и произнес всего одно слово:

– Да.

Пунцовая от негодования, Соня рухнула на место и сердито воззрилась на Нинку. Но та предусмотрительно опустила очи долу. Зато Козья Морда из президиума просто ела ее глазами.

Козьей Мордой Соня с Нинкой называли свою начальницу – заведующую салоном Ингу Вольдемаровну, сорокалетнюю бесцветную даму, ненавидевшую весь мир вообще и женскую его половину в частности. Как полагали Соня с Нинкой, из-за полной сексуальной невосприимчивости.

Но тут Гусев что-то тихо сказал ей, и Инга мгновенно сменила маску, словно актер театра ноо, подавшись к нему всем своим тощим телом и преданно заглядывая в лицо. И Соня явственно представила, как задвигался ее копчик, крутя невидимым хвостом.

Во время фуршета Козья Морда бросала на нее многозначительные взгляды, в которых сквозило некое злорадное удовлетворение. Соня даже подумала, уж не распорядился ли бесчеловечный Гусев ее уволить, и вечер был окончательно испорчен.

Тайна раскрылась на следующее утро. Инга Вольдемаровна пригласила ее в свой кабинет и начала издали:

– Вас приняли на работу, хотя вы давно превысили возрастной ценз, установленный для вашей должности...

(Долгая пауза, долженствующая позволить жертве в полной мере осознать незаслуженно пролившиеся на нее милости и блага. Можно подумать, Соне девяносто лет и ее взяли продавать мобильные телефоны при условии, что по совместительству она начнет посыпать дорожки собственным песком. И надо еще выяснить, кому с бодуна привиделось, что мобилы перестанут покупать, если продавцу перевалило за тридцать. Уж не Арнольду ли Гусеву, великому смоленскому реформатору?)

– Но при этом никто не давал вам права обсуждать действия руководящего звена...

Жертва благоразумно помалкивала.

– Может быть, вам не нравятся наши порядки?

– Мне нравятся наши порядки, – сдержанно ответила Соня. – Я просто хотела помочь Нине Капустиной.

– И вы ей помогли, – заверила Козья Морда. – Арнольд Вячеславович, человек в высшей степени гуманный, распорядился тридцать первого декабря заменить Капустину на рабочем месте, как иногороднюю. А поскольку, как мне известно, вы живете в пяти минутах ходьбы от салона, то вам и карты в руки. Считайте свою благородную миссию исполненной...

2

Это было правдой. Соня теперь действительно жила в самом центре, на бывшей Пушкинской улице, а ныне Большой Дмитровке, в огромной многокомнатной коммунальной квартире.

(Вот интересно, престарелые знаменитости, ностальгически вздыхающие с телевизионных экранов о своем коммунальном детстве, лукавят? Или люди в те годы и впрямь были другими – друзья, товарищи и братья? Или это просто тоска по юности, прекрасной во все времена и при любых обстоятельствах? Может, и она на старости лет будет с умилением вспоминать свою «воронью слободку» – отрывку социализма?)

Но чтобы понять, как Соня здесь оказалась, придется вернуться в далекое прошлое, в тот роковой день, когда ее отец, профсоюзный деятель среднего звена, погиб в автомобильной катастрофе. А еще лучше в ту благословенную пору, когда все они были живы, здоровы, счастливы и ведасть не ведали о будущих причудливых поворотах своей судьбы. Или это только маленькая Соня была счастливой, а все остальные лишь живы и здоровы?

Ее отец и мать были под стать друг другу – высокие и крупные, а Соня пошла, видимо, в бабушку Констанцию – стройную и тонкую в кости вопреки своему крестьянскому происхождению.

Отца Соня обожала и во время частых родительских размолвок, жестоко страдая, тайно вставала на его сторону, ненавидя мать за ее слезы, крики и претензии.

Первое горькое разочарование она испытала в шестнадцать лет, когда пришла с подружкой на большое профсоюзное мероприятие, после которого предполагался грандиозный концерт. Отец тогда работал начальником управления ВЦСПС и принес им с матерью красочный пригласительный билет на два лица. Но мать от приглашения отказалась, и Соня взяла подружку.

Перед началом мероприятия они прогуливались в фойе, и Соня заметила отца в группе озабоченных мужчин в одинаковых черных костюмах. Хотела было подойти, но тот махнул рукой, отменяя ее порыв, и она только издали смотрела и гордилась перед подружкой, какой он красивый, значительный, как уважительно слушают его мужчины и пытаются привлечь внимание нарядные профсоюзные дамы.

Отец кого-то, видимо, ждал и явно нервничал, поглядывая то на часы, то на площадь за огромными стеклянными дверями фойе. И Соня, невольно заражаясь этим его волнением, тоже пристально всматривалась в подсвеченный фонарями сумрак.

К высоким ступеням медленно подкатила сверкающая черная «Волга», и отец рванулся к выходу, почти побежал. Шофер, обойдя машину, открыл заднюю дверцу, и наружу выбрался человек со смутно знакомым лицом в сером финском плаще и шляпе. Он величаво зашагал по ступеням, прямой, как памятник, с отсутствующим взором, а отец, словно уменьшившись в росте, бочком семенил чуть сбоку и даже как будто кланялся. И пока монумент сквозь притихшее фойе шествовал к комнате президиума, отец с покрасневшим лицом разгонял перед ним толпу, сердито шикая на людей, как на бестолково снующих под ногами кур. И было это мелко, ничтожно и стыдно до слез.

Образ отца, такой светлый, слегка потускнел, а пьедестал, на который он был воздвигнут, пошатнулся и дал трещину.

Следующим звеном в цепи разочарований стала та жуткая ночь, когда мать уехала на семинар библиотекарей в город Владимир. Соня проснулась по малой нужде и услышала голос отца из гостиной, такой странный, что, изменив маршрут, тихонько подошла к неплотно прикрытой двери и заглянула в шелку.

Отец сидел в кресле, прижав трубку к уху, и сюсюкал. Соня поначалу подумала – с маленьким ребенком, но быстро поняла свою ошибку, прослушав красочный перечень анато-

мических подробностей некоей Лялечки и последовавшие затем горячие обещания в ближайшем будущем разобраться с семейными проблемами и решить их в ее, Лялечкину, пользу.

Соня на цыпочках вернулась в комнату и села на кровать, охваченная таким бесконечным ужасом, что не могла даже плакать, а только дрожала и поскуливала, как маленький выброшенный на улицу замерзший щенок. Чтобы ее отец!.. Это невозможно было осмыслить, невозможно представить! Этого просто не могло быть, потому что не могло быть никогда! Да и думать в его возрасте о чем-то подобном неприлично! Неприлично! И хотя ее личный опыт в этой волнующей сфере был пока абсолютно ничтожен, знания в свои шестнадцать лет она имела вполне фундаментальные (спасибо отечественному книгоизданию и телевидению). И одна только мысль, что отец вытворяет нечто похожее, вызывала отвращение до тошноты.

И потрясенная Соня, охваченная юношеским максимализмом, презрела и отторгла его – пресмыкающегося перед властью имущими, воркующего, как апрельский голубь, предавшего их с матерью не будем говорить с кем.

Впрочем, вряд ли он успел заметить ее демонстративное пренебрежение, захваченный водоворотом дел, половодьем разбуженных чувств и связанных с этим сладостным пробуждением проблем. И не было ему знака: «Опомнись! Отведи беду!» А может, и был, да только он его не заметил в томлениях тела, настроенных совсем на другую волну. Теперь уж никто не узнает.

И в ту ненастную декабрьскую субботу беды ничто не предвещало. Сердце билось спокойно и ровно, не замерло в тот страшный миг, когда погасла жизнь ее отца. Быть может, потому, что не было уже меж ними тех тонких нитей, связующих родные души? Оборвал их отец, запутал в своих любовных метаниях.

Все повторяется и в жизни, и в природе. И в том году тоже «снег выпал только в январе», а декабрь тянулся свинцово-серый, мрачный и неестественно теплый.

– Пропал урожай, – сетовала мать, глядя в усеянное пупырышками дождя окно. – Ударят морозы, и все погибнет – и чеснок, и клубника, и цветы-многолетники. Помнишь, дедушку хоронили? Холода стояли двадцать семь градусов, снега по пояс. Задубели все на кладбище, могилу еле выдолбили. А нынче – копай не хочу. Съездить бы на дачу, посмотреть, что там делается. Да у отца теперь другие заботы, не допросишься...

«Неужели знает?» – подумала Соня.

Вот тут-то и зазвонил телефон, грянул как гром небесный, разрывая повисшую в комнате тишину. Звонили из ГАИ: отец доверил руль женщине, не имеющей водительских прав, та не справилась с управлением, но не пострадала, отделалась легкими ушибами, а он погиб – вылетел через лобовое стекло прямо под колеса другой машины. И Соня все не могла себе представить, как это отец, такой большой, вылетел через лобовое стекло...

Последующие несколько дней остались в памяти калейдоскопом отрывочных воспоминаний: мамины злые слезы, чувство нереальности, невозможности, тягостного ночного кошмара, какие-то хлопоты, деньги, люди – очень много людей. И незнакомая молодая женщина, последней ступившая в зал прощания. Все молча смотрели на нее, а Марта, отцова сестра, пошла с бешеными глазами, и та попятилась и исчезла.

Это уже потом, закружившись с Даником, Соня все поняла и всех простила. А тогда ненавидела и желала зла. Этой незнакомой молодой женщине, не отцу, который снова стал лучше всех, ни в чем не виноватый. А тогда жизнь без него казалась конченной, утратившей яркость и тепло, как тусклый и промозглый декабрь за окном. Ах, как сладко бы она сейчас простила! Приняла все, как есть, смирилась. Лишь бы жил. Но увы, увы...

Горе горькое, сковавшее душу, и эта готовность понять и простить странным образом уживались с обидой на отца за то, что бросил на произвол судьбы, оставил один на один с враждебным миром. Но время, накатываясь днями, неделями, месяцами, размыло боль и страх,

оставив только тихую печаль. Тем более что год был выпускной, судьбоносный, и Соня, сдав школьные экзамены, начала готовиться к университетским.

Больше всего она боялась сочинения. Но душа ее, очищенная страданием, родила такие пронзительные строки, что несколько допущенных грамматических ошибок были уже не в счет. Потом она встретила Даника. А любовь, как известно, прекрасный врачеватель душевных ран.

Мать тоже больше не плакала. Но в отличие от Сони унижения не простила – нанесенной обиды, оставленной без достойного ответа – неминуемого раскаяния отца и ее последнего слова. После сороковин раздала бедным его одежду, на годину поставила памятник и вдовий свой долг выполняла исправно – дважды в год, в день рождения отца и в день его смерти, ездила на кладбище и прибирала могилу. Но Соня знала – это была пустая формальность – для людей.

Разбитую машину разрешили восстановить в гараже ВЦСПС – по тем временам огромное дело. Поднял ее из праха лучший автомеханик Егорыч – невысокий, жилистый, абсолютно невозмутимый мужчина. Полная противоположность большому, шумному, взрывному отцу.

Денег, кроме уплаченных в кассу, Егорыч не взял, хотя мать страстно пыталась отблагодарить. А узнав, что вести машину некому, вызвался помочь. Принимая возле бокса ключи, мать пригласила его отобедать.

– Это можно, – согласился Егорыч.

Ел он красиво, не жадно, от выпивки отказался. О себе рассказал скупое – с женой в разводе, детей нет. На прощание обещал помочь с машиной, ежели какой ремонт или, не дай Бог, авария.

Ближе к лету мать заговорила об одиночестве, о том, что она еще молодая женщина и рано ей куковать в холодной постели, что в доме, а тем более на даче без мужской руки не обойтись. А времена наступают шальные – одним не выжить.

Соня эти речи всерьез не воспринимала, но мать не унималась и однажды, смущаясь, сообщила, что дала объявление в брачную газету. И кто бы мог подумать, но женихи повалили косяком. То ли объявление оказалось удачно составленным, то ли весна воспламенила остывшие сердца, а может, так много мается меж людьми неприкаянных душ, что только позови – и слетятся, как бабочки на огонь, предвкушая долгожданное счастье...

Мать расцвела, расправила крылья и составила график смотрин. В состав жюри, кроме не слишком довольной грядущими переменами Сони, вошла еще отцова сестра Марта, женщина современная, тонкая и непредвзятая.

Но увы (или слава тебе, Господи?), ни опасениям Сони, ни надеждам матери сбыться не пришлось. Разве что насмешливое любопытство Марты было удовлетворено.

Всех претендентов на руку и сердце прекрасной вдовы можно было разделить на три категории: пьянчуги, не упустившие возможности выпить на халяву; больные, которым нужна сиделка; и предприимчивые, которым нужна работница – прачка, кухарка, уборщица и даже землекоп («Мадам, с вашими габаритами вы преобразите мою фазенду!»).

А когда поток страждущих, потихоньку скудея, истощился до полного исчезновения, позвонил Егорыч. И как-то все у них с матерью быстро сладилось. Соня, захваченная своей новой студенческой жизнью, оглянуться не успела, а в квартире, нате вам, пожалуйста, появился новый жилец.

Сообщая о грянувших переменах, мать зарделась, словно маков цвет. Они сидели перед ней, как два голубя, – малогабаритный невзрачный жених и трепетная невеста пятьдесят четвертого размера.

– Будьте счастливы, – сказала Соня. А что ей еще оставалось?

Конечно, она предпочла бы, чтобы мать в своем бальзаковском возрасте обошлась без сексуальных излишеств. Жили бы себе и жили, как хорошо! Однако никогда не озвучила бы

этих своих пожеланий. И матери хотела только счастья. Хотя какое может быть счастье с Егорычем?

Но действительность превзошла все ее самые смелые, самые фантастические, самые невероятные ожидания. Мать летала на крыльях, светила счастьем и даже пела, чего Соня не слышала от нее уже много лет.

Чем только он ее околдовал, хотелось бы знать? У матери спрашивать об этом было неловко. А Марта сказала:

– Значит, настоящий мужик.

– Егорыч?! – не поверила Соня.

– Молодая ты еще, – усмехнулась тетка. – Думаешь – настоящий, значит, красивый и богатый? Нет, моя дорогая. Настоящий – это когда женщина поет. Вот как твоя мать. А во дворце или в лачуге – это уже второй вопрос.

– Лучше петь во дворце, – резонно заметила Соня.

– А это уж как повезет...

Егорыч оказался человеком необременительным и даже полезным, а вернее, просто незаменимым. Все под его удивительными руками обретало второе дыхание: тикало, горело и охлаждало, всасывало и извергало, цвело и наливалось плодами; Соня под его руководством научилась водить машину и получила права; мать под его крылом помолодела на десять лет и заливалась, как курский соловей – «Вы хотите песен? Их есть у меня...»

Щуплый молчаливый Егорыч оказался жизнестойким, как Робинзон, и надежным, словно... Ой-ой-ой! Где же искать критерии надежности в наши пошатнувшиеся времена?

– А ну-ка! – подначивала Марта. – Давай, будущая журналистка, покажи нам свое виртуозное владение словом. Итак, надежен, словно?..

– «Весь аэропорт»?

– Не смешите меня!

– Вклад в сбербанке?

– Я вас умоляю!

– Швейцарский банк?

– Нет-нет-нет! Никаких заморских ценностей! Только отечественные твердыни.

– Слово олигарха!

– Да тьфу на него!

– Ну, тогда у меня остался последний козырь, – не сдавалась Соня. – Я бы пошла с Егорычем в разведку: в бою не дрогнет, в беде не бросит, под пытками не выдаст.

– Молодец! – хохотала Марта. – В самую точку. Интересно только, что они не поделили с прежней женой...

Они с теткой как-то особенно сблизились в тот период, притянутые друг к другу горечью утраты и одиночеством. Соня даже подумывала, не переехать ли к Марте, хотя бы на время. Но тут Егорыч сделал широкий жест и предложил ей свою комнату в коммуналке на улице Пушкинской, ныне Большая Дмитровка.

3

Вот так в девятнадцать лет Соня поселилась в самом центре Москвы, в старом, еще дореволюционной постройки доме с витыми чугунными перилами, черным ходом и лепными вознесенными на четырехметровую высоту потолками.

Когда-то в незапамятные времена квартира принадлежала богатому инженеру Копнову. После революции зажавшихся хозяев уплотнили до одной комнаты, где и теперь жила правнучка бывшего владельца с мужем и двумя детьми. Остальные три комнаты поделили пополам фанерными перегородками, прорубили двери, и получилось еще шесть комнатенок плюс каморка возле ванной.

В первой из них обитала Фросечка, безобидная старушка, сразу после войны пришедшая в Москву из голодной деревни. Здесь ее взяли няней к внуку сгинувшего в лагерях инженера Копнова, и она прижилась в чужой семье, пестуя уже третье поколение его потомков.

Во второй тихо гибла алкоголичка Анна Владимировна. Она ни с кем не общалась и практически не покидала своей берлоги. Сердобольная Фросечка рассказала Соне, что, когда умер муж, тоска толкнула несчастную женщину в объятия зеленого змия. Дочь выросла, завела свою семью, и зять, озверев от жизни с опустившейся женщиной, разменял квартиру, отселив ненавистную тещу в коммуналку.

В третьей комнате проживала маргинальная семейка – хамоватая Валентина, работавшая уборщицей на каком-то заводе, ее сын Витек, прыщавый подросток, тощий, как гицель (так говорила Фросечка, неизвестно где подхватившая это словечко, и Соня не знала, что оно означает). Витек был прожорлив, как солитер, и вечно простужен, и после его редких визитов в ванную на раковине оставались зеленые гроздья соплей.

Но самой отвратительной была баба Люба, мать Валентины, – неопрятная тучная старуха с большими слоновьими ногами и сальными лохмами, небрежно подколотыми на плоском затылке. Она подворовывала на кухне из соседских кастрюль и страдала недержанием мочи, которую не успевала донести до туалета. Валентина брала швабру и размазывала лужу по старинному дубовому паркету, после чего вывешивала на кухне нечеловеческого размера бабкины трусы, собственноручно сшитые из уворованного на заводе кумача. Игорь, муж правнучки инженера Копнова, цеплял их лыжной палкой и выбрасывал за окно. Однако после нового конфуза они опять красноречиво реяли на бельевой веревке – то ли Валентина каждый раз подбирала трусы с земли, то ли запасы уворованного кумача были неистощимы.

– Это еще цветочки, – пугала Фросечка. – Вот погоди, муж ее Васька из тюрьмы объявится.

– И что будет? – волновалась Соня.

– Будут ягодки. Тут главное – на кухне ничего съестного не оставлять – сожрет и не подавится.

А вот про обитателей четвертой и пятой комнат можно было рассказывать только вместе – так тесно переплелись их судьбы.

Итак, если верить всезнающей Фросечке, жили-были две молодые семьи – Красновы с сыночком Лешенькой и Стариковы с дочкой Оленькой. Дети-одногодки вместе ходили в садик, мужа мирно сосуществовали, а жены дружили, выручая друг друга в разных бытовых неурядицах.

И вот однажды уехала Света Старикова погостить на недельку к своим родителям в Нижний Новгород, тогда еще город Горький, и дочку с собой взяла. А когда вернулась, муж ее, Константин, очень радовался. Уж так радовался – не знал, куда посадить, чем угостить. Света, конечно, довольная была, что, значит, он так по ним с дочкой соскучился, истосковался. А

подруга ее, Наталья Краснова, очень по этому поводу нервничала, извелась вся, мол, уезжаешь с ребенком, а мужа одного оставляешь, смотри, как бы на подвиги не потянуло.

– Костика? – смеялась Света. – Да быть этого не может!

– Почему же?

– Да потому что не может быть – и все тут!

И чем больше досадовала Наталья, живописуя коварство и природную похотливость мужчин, чем больше сетовала на женскую тупость и слепоту, тем веселее отбивалась Светлана, дескать, так-то так, только к нам с Костиком никакого отношения не имеет.

И очень даже возможно, что некая тайна, сжигавшая изнутри ее соседку, никогда не стала бы явью, сгорев и просыпавшись пеплом, не поведи она себя с таким насмешливым упрямством. Но что толку в сослагательных наклонениях? Все было, как было.

– Спустись на землю! – заорала Наталья. – Открой глаза! Пока ты отсутствовала, твой безупречный Костик с ангельскими крыльями привел сюда бабу!

– Зачем? – не поверила Света.

– Зачем?! – задыхнулась Наталья. – Я, конечно, свечу не держала. Но то, что они выжрали бутылку вина и погасили свет, это точно. Может, он ей слайды в темноте показывал на Оленькином проекторе? О роли семьи в жизни общества...

Но тут она увидела Светино лицо и осеклась, прикусила язык. Однако отыгрывать назад было уже поздно.

Потрясенный разоблачением, Константин яростно пытался изменить ситуацию – врал, каялся, кричал и даже плакал. Но реакция оказалась необратимой – Света с девочкой уехали в Нижний Новгород.

– Вот ведь какой грех Наталья на душу взяла, – сокрушалась Фросечка. – Другой кто по злобе мудрит, а она по дурости. Ляпнула сгоряча, а скольким людям напакостила. Не зря говорят, молчание – золото.

– А вот я бы не хотела жить во лжи, – возражала Соня. – По мне, лучше правда, пусть и горькая.

– Так ведь это твое личное дело. А кому другому, может, не нужна она, правда эта, ни сладкая, ни горькая. Он, может, и сам все видит, только не желает пока рубить по живому, переждать хочет, очухаться. А ему, вишь ты, доброхоты глаза открывают. Спасибо им большое, низкий поклон! А с открытыми глазами куда ж денешься? Хочешь не хочешь, а решение принимай. А в запале ничего хорошего не придумаешь. Может, у него, у Константина, и было всего один... эпизод. И жили бы себе, дочку растили...

– А как они сейчас, вы не знаете?

– Про Свету с дочкой ничего не слыхала. Сама не спрашивала, и никто не сказал. Вроде ездит он к ним иногда повидаться. А сам с тех пор так бобылем и мается. Хорохорится, конечно. «Я, – говорит, – больше и сам не женюсь и другим не посоветую. Охота, – говорит, – ярмо на себя надевать». Одному, мол, привольнее – хочешь, яичницу жарь, хочешь, пельмени вари. Красота! Сам себе господин. Да только одному мужику горько жить. Горше, чем бабе.

– А вроде есть у него женщина. Я видела...

– И-и, милая! – отмахнулась Фросечка. – Сколько их у него было-то! Которые на одну ночь, а которые подольше задерживались, а толку что? Счастья не купишь, а потеряешь – не вернешь. Рана, глядишь, и затянется, а шрам все одно остается. Мне, конечно, скажут: «Ты, мол, Фрося, своей судьбы не устроила, где ж тебе чужие критиковать?» Это правильно. Не дал мне Господь ни семьи, ни деток. С чужими людьми прожила, чужих детей пестовала. А только я одно понимаю: в жизни нам удачи немного отмерено. Один раз упустишь, а второго может и не быть. Беречь ее надо, удачу-то, коли уж она тебе выпала...

В шестой комнате, словно два скорпиона в банке, сидели две сестры, две старушки-погремушки, пребывающие в вечной конфронтации. Абсолютно несовместимые, они яростно спо-

рили по каждому пустяку, втягивая соседей в надуманные конфликты. В качестве арбитра обычно призывалась благостная Фросечка. При этом вне тягостного тандема обе были милейшие женщины.

А в крохотной каморке возле ванной, которая в бытность инженера Копнова служила комнатой для прислуги, а возможно, кладовкой, теперь жила Соня. Диван-кровать, маленькая стенка «Ольховка», холодильник, журнальный столик и шкафчик для продуктов – вот и все наследство Егорыча. А больше сюда ничего и не втиснуть. Были еще стол, полка и табуретка на огромной кухне с четырьмя газовыми плитами и чугунной раковиной, но Соня там никогда не ела и не держала продуктов, памятуя о шаловливых ручонках бабы Любы.

Обитатели коммуналки встретили Соню абсолютно индифферентно. И только Фросечка на правах старожила любопытствовала, что за птица залетела в их запущенные сады, и сочла своим долгом развернуть перед ней подробное полотно непростой коммунальной жизни.

– Вот так-то, милая, – завершила она свое повествование. – Всех жильцов я тебе представила, все тайны раскрыла. Теперь своим умом живи. А уж как у тебя получится, я не знаю.

Получалось, прямо скажем, не очень.

Эйфория, вызванная обретением собственной комнаты и взрослой самостоятельной жизни, прошла очень быстро, почти мгновенно. Во-первых, Соня скучала по матери и по тому, что принято именовать отчим домом. Во-вторых, на нее навалились проблемы, о которых она раньше даже не задумывалась. Например, каждый день нужно было завтракать, обедать и ужинать. Ну, допустим, обедать можно в университете. Но оставались еще завтраки и ужины, а значит, приходилось покупать продукты, что-то из них готовить и планировать бюджет, состоявший из стипендии и некоторой суммы, ежемесячно отчисляемой матерью. В результате у Сони развился настоящий синдром – она все время боялась остаться голодной, ела, как верблюд, впрок и в итоге поправилась на семь (!) килограммов.

В-третьих, ее искушали неисчислимые соблазны, которые приходилось героически преодолевать: пойти в кафе, но потом неделю не завтракать, пригласить друзей на вечеринку и нарваться на вой соседей, купить шикарные брючки и положить зубы на полку и так далее и тому подобное.

Но самыми ужасными оказались проблемы санитарно-гигиенические, доселе невиданные и неслыханные. Особенно по утрам, во время коллективного паломничества в омерзительный темно-зеленый туалет с тусклой лампочкой и ржавой цепочкой, свисающей из вознесенного под потолок сочащегося влагой бачка. Девятнадцать человек на один толчок – сюжет для небольшого триллера. Она и предположить не могла, что где-то так живут люди (да так ли еще живут!) на заре третьего тысячелетия. А как вам понравится «График посещения ванной комнаты»? Такой же, между прочим, тусклой и темно-зеленой. И это в самом центре Москвы! А она так много времени проводила в ванной (дома, конечно, не здесь)! Умывалась, причесывалась, натирала тело душистым гелем, красилась, наконец!

– Сколько можно сидеть в ванной! – недоумевал бывало отец. – Что вы тут делаете? Спите? И как только вы разбираетесь во всех этих пузырьках и склянках?

Теперь она проводила здесь считанные минуты и никогда ничего не оставляла. Белье и одежду стирала у матери, трусики и колготки сушила на батарее, а красилась-мазалась перед большим зеркалом, которое Егорыч привернул прямо к двери – больше было некуда.

В общем, тоска. Хотя, конечно, человек ко всему привыкает, почти ко всему, приспосабливается и живет дальше, если нет другого выхода. А если есть? Зачем терпеть такие неудобства? Ради эфемерной свободы? Так ее и дома особо не притесняли.

И Соня совсем было решила вернуться к матери. Но тут в ее жизни появился Даник.

4

Впервые она увидела Даника, когда училась на втором курсе. В общежитии на Мичуринском проспекте, куда они с Маргаритой приехали на отходную, устроенную парнем из их группы, отчисленным за хроническую неуспеваемость.

Маргарита по иронии судьбы была тогда ее подругой. Хотя, цитируя величайшего из поэтов, «вода и камень, стихи и проза, лед и пламень не столь различны меж собой». Но видимо, парки, прядущие жизненную нить, придерживались иного мнения, поскольку свили их судьбы в тугую косичку – ее, Сонину, Маргариты и Даника.

Но это случилось чуть позже, а пока они дружили, видит Бог, по прихоти Маргариты – так она решила, и Соня не смогла противостоять ее натиску. На курсе их звали Уголек и Соломинка – вот оно, меткое народное слово! На фоне высокой стройной Сони низенькая кривоногая Маргарита казалась настоящей каракатицей. Но была она такая наглая, шумная, вызывающе роскошно одетая, что мгновенно выступала на первый план, оттесняла всех прочих, затмевала, задвигала, затыкала и прихлопывала.

Отец Маргариты – большая шишка с почти неограниченными возможностями – заложил прочный фундамент благоденствия не только своей обожаемой дочурки, но и всех ее потомков до седьмого колена, что, согласитесь, придает в жизни уверенности и утверждает в собственной абсолютной непогрешимости.

Но пока еще ниточки их судьбы тянулись параллельно. Они стояли в коридоре общежития на Мичуринском проспекте. И мимо шел Даник.

– Ого, какие здесь ходят мальчики! – громко сказала наглая Маргарита.

Он оглянулся и подмигнул им веселым карим глазом. Сердце у Сони замерло и забилося как сумасшедшее. «У меня никогда не будет такого парня», – подумала она, стараясь скрыть от Маргариты свое смятение.

Второй раз она увидела его возле университета. Он стоял на обочине и голосовал свернутой в трубочку газетой. Хорошо, что она замедлила шаг, вглядываясь в его лицо. Если бы неслась, по своему всегдашнему обыкновению, то уж точно растеклась бы по невесть откуда взявшемуся болвану на роликах, как муха по ветровому стеклу. А так они только стукнулись лбами, сжали друг друга в смертельном объятии и грянули оземь в позе миссионеров. При этом Соня ударилась головой об асфальт и осталась лежать, юная и прекрасная, разбросав вокруг себя руки и сумки, а болван на роликах умчался с космической скоростью.

Даник, надо отдать ему должное, повел себя как истинный джентльмен – кинул газетку в урну, собрал Соню с земли, перенес на лавочку со всеми ее причиндалами, вызвал «скорую помощь» и даже сопровождал в больницу, где у нее обнаружили сотрясение мозга со всеми вытекающими отсюда последствиями. Собственно, как он потом признавался, вот это-то медицинское подтверждение наличия у блондинки Сони мозгов вызвало его естественный интерес и определило дальнейшее к ней отношение.

Но это было потом. А на следующий день после досадного инцидента – Соня как раз разглядывала в зеркале ужасающий фингал под правым глазом – Даник появился в больничной палате и, белозубо улыбаясь, сказал:

– Здравствуйте, жертва дорожно-транспортного происшествия! Ну что, давайте знакомиться?

Вот так они стали встречаться. Правда, у Даника на тот момент не завершились еще прежние любовные отношения, в чем он честно и признался. Но обещал разобраться в ближайшее время, ибо, как он выразился, «любовь прошла, завяли помидоры». Соня не торопила, понимая, что быстро только сказка сказывается и кошки родятся.

Она тогда словно выпала из реальности, из пространства и времени – так сильно влюбилась. А может, сотрясенные ударом мозга сыграли с ней злую шутку. Но это был чудесный период, сотканный из смеха и грез, из первых прикосновений, предчувствия и никогда не сбывшихся надежд.

Даниил Подбельский – несчастье всей ее жизни. Язвительная Марта говорила, что между корнем и приставкой в его фамилии странным образом утеряна еще одна буква «е». И это досадное обстоятельство сокрыло глубинную суть его порочной натуры от таких наивных дурачков, как Соня. Но все это было потом, потом...

Приехал он из какой-то южной Богом забытой станицы и на все Сонины вопросы отшучивался, отмалчивался, отмахивался и отнекивался. Был он беден как церковная мышь и обстоятельства этого очень стыдился. Вот такой таинственный, романтический герой – штаны с дырой. Соня так никогда и не увидела ни одного его родственника. Словно некий гомункулус вырвался из лабораторной пробирки и начал жизнь с чистого листа, без корней и обязательств, без руля и ветрил. Но Соню это тогда не особенно волновало. Нужна ей была его родня? Хотя, конечно, могло бы насторожить своей неправильностью. Но не насторожило.

Даник тогда уже жил в высотке, и Соня ездила к нему на Воробьевы горы. Они гуляли по длинным пустым аллеям, целовались до изнеможения на лавочке у пруда возле китайского посольства и говорили, говорили, говорили.

В основном, конечно, ораторствовал Даник. Клеймил позором погрязшее в коррупции, развалившееся страну правительство, карикатурного Ельцина, опозорившего Россию перед всем миром, ректорат, не способный поднять университет на должную высоту, деканат, абсолютно оторванный от новой юридической реальности. Жестко высмеивал замшелую нищую профессию, нацеленную исключительно на взятки, и тупых, погрязших в пьянстве и разврате сокурсников (больше всего почему-то не любил москвичей).

С особенным удовольствием Даник обсуждал всевозможные способы счастливо разбогатеть и так вживался в вождельный образ преуспевающего супермена, словно уже достиг сверкающей вершины финансового благополучия.

Соня в пространные рассуждения не вникала, шагала рядом, слушала голос, поглядывала умильно на чеканный профиль и переполнялась нежностью и любовью, которая воистину слепа, глуха и больна на голову.

Настал день, когда Соня привела его в свою комнатку. И все случилось, но так торопливо и неловко, что никакого удовольствия (не говоря уж о восторге с упоением) она не получила, а только недоумение – ради чего, собственно, ломается столько копий?

Оба были смущены и поспешили расстаться. Казалось даже, что навсегда. Но через пару дней все наладилось, теперь они не вылезали из постели, и Соня даже едва не вылетела из университета, дважды завалив английский.

Даник практически к ней переехал, даже перевез часть вещей, и мать не успевала паковать сумки с продуктами, недоумевая, что это за жор такой напал на Соню, которая прежде яростно отбивалась от любого куска. А поскольку охваченная эйфорией возлюбленная и думать не думала о такой прозе жизни, как презерватив, а Даник подобные мелочи и в голову не брал, произошло неизбежное.

Соня, краснея и смущаясь, сообщила ему о задержке и замерла в ожидании приговора. Даник, с минуту поиграв желваками, сказал, что готов жениться. Сердце забило в радостном упоении, глаза увлажнились слезами, ангелы в горних высях протрубили победу, и на землю просыпались розовые лепестки. Соня, тихо вскрикнув, пала на грудь любимому, и события завертелись с устрашающей быстротой, завиваясь в тугую пружину.

Первой о грядущих великих переменах узнала заброшенная подружка Маргарита, давно уже гневно стучавшая в захлопнувшуюся перед носом дверь. Теперь они все время были втроем, почти не разлучались, горячо обсуждая совместные бизнес-проекты, один дерзновен-

нее другого. Тем более что для их осуществления появились вполне реальные перспективы – деньги и возможности всемогущего папы Марго (так она кокетливо представилась). Собственно, витийствовали в основном Маргарита с Даником, Соня больше помалкивала, захваченная своими чудесными переживаниями.

В женской консультации за окончательным приговором велели приходить недельки через две, но медицинскую карту завели. И Соня повезла Даника на смотрины. Мать с Егорычем по такому случаю наметали на стол, как на малыньину свадьбу. Но Соня, уже мучимая токсикозом, даже смотреть не могла на все эти изыски – еда казалась пресной, как трава, и недолго задерживалась в желудке.

(«Дыши глубже, – волновалась мама. – Дыши глубже!...Боже мой, какая жалость! Твои любимые баклажаны...»)

Зато Даник кулинарные способности будущей тещи оценил по достоинству. Он был непринужден, раскован и говорлив, как никогда. Очаровал мать, понравился Егорычу и даже Марте (правда, ненадолго), с которой весело пикировался, виртуозно избегая конкретных вопросов.

– Хороший парень, – сказала ей тетка на следующий день. – Только уж больно subtilный. Коляску с ребенком на третий этаж не поднимет. Подари ему хотя бы эспандер, пусть мышцы подкачает.

И Соня отправилась в спортивный магазин, где по совету продавца с хорошо накаченной мускулатурой купила спортивную палку, этакую закамуфлированную тугую пружину, которую требовалось сгибать нечеловеческим усилием, тренируя тем самым бицепсы и трицепсы.

Благоприобретенный спортивный снаряд Соня припрятала у Фросечки, чтобы в следующем месяце подарить Данику на день рождения. И даже сочинила к этому знаменательному случаю шуточный стишок, первые строчки которого сложились уже в метро под перестук колес и приступы мучительной тошноты, когда она возвращалась с покупкой домой.

Маргарита, узнав о грядущем торжестве, безапелляционно заявила:

– Праздновать будем у меня.

– С чего бы это? – вяло удивилась Соня, в душе ликуя, что, во-первых, не придется ютиться в ее каморке, а во-вторых (самое главное!), возиться на кухне и стоять у плиты, изнемогая от вида и запаха убийственной снеди. И что, интересно, путного могла она приготовить в таком состоянии? Маргарита тонко это почувствовала и взяла все хлопоты на себя. Вот что значит настоящая подруга. Остается только надеяться, что она, Соня, не проведет полвечера в туалете, извергая хозяйские деликатесы...

Накануне дня рождения озабоченный Даник сказал:

– Слушай, старушка, меня из общежития выселяют. Кто-то стукнул, что не живу. Надо там покантоваться какое-то время от греха подальше. – И начал собирать вещи.

– Да какая теперь разница? – удивилась беспечная Соня. – Если мы все равно поженимся? Пропишешься у меня – и все дела. Давно надо было заявление подавать.

– Ну, это когда еще будет. А пока без прописки мне что, домой возвращаться с неоконченным высшим? Турнут из университета и не задумаются. Зачем же рисковать на ерунде?

Он чмокнул взгрустнувшую Соню и отчалил, крикнув уже с лестничной площадки:

– Встретимся завтра у Маргариты! Не горюй, старушка!

...Что делает нормальный человек со здоровой психикой, пережив трагическую ситуацию? Правильно. Вычеркивает ее из памяти. Старается не думать, не вспоминать – не ковыляться в ране.

Но ненормальная Соня снова и снова в мельчайших деталях восстанавливала в мыслях этот злосчастный день – день рождения Даника, почти уже мужа, отца своего будущего ребенка (собственно, тогда уже существовавшего, терзавшего ее непреходящей мучительной тошнотой).

Проснулась она тем утром поздно и еще понежилась в постели, прислушиваясь к воскресной суете большой коммунальной квартиры.

Грустно, конечно, что Даник уехал. Зато не нужно готовить завтрак, судорожно подавляя противную тошноту, особенно почему-то беспощадную по утрам.

«А сам он что, не может сварить себе кашу? – гневалась Марта, успевшая уже разочароваться в потенциальном родственнике. – Казалось бы, не велик гусь». «Ну при чем тут гусь? – заступалась Соня. – Он же у меня в гостях. В чужой квартире, да к тому же еще и коммунальной. Мне не трудно пожарить ему яичницу». «А этот твой гость за все время принес в дом хотя бы одно яйцо? Не считая своих подержанных?» «Ну какое яйцо, Марта! Ты же знаешь его ситуацию – ничего, кроме стипендии. Он еле сводит концы с концами. Да он их вообще не сводит! Мне что, жалко для него тарелку супа?» «В мое время парни разгружали вагоны. Чтобы покормить свою девушку супом».

Но это так, лирическое отступление. А в то безмятежное утро Соня выскользнула из постели, покрутилась перед большим зеркалом на двери, разглядывая себя анфас и в профиль, но никаких изменений не обнаружила – живот был плоским и упругим, бедра узкими, а грудь... Вот грудь, и прежде немаленькая, налилась еще больше. Но кто сказал, что это плохо?

Она приняла душ, хотя это было не ее время – но что с того, если ванная все равно свободна? – и выпила чашку зеленого чая с лимоном. Постояла у окна, глядя на замусоренный внутренний дворик и прислушиваясь, не попросится ли обратно чай, а главное, лимон. Но все обошлось, и Соня сочла это хорошим знаком – счастливым предзнаменованием.

Времени оставалось не так уж много – одеться, накраситься и по дороге купить цветы. Или мужчинам не дарят? Ну, тогда Маргарите – все-таки они справляют день рождения в ее доме. Тем более что от Сониного финансового участия она отказалась наотрез, просто-таки категорически. А Даник вряд ли догадается. Но можно ли винить его за это? Букет стоит целое состояние...

Соня перевела взгляд на приготовленный с вечера брючный костюм – новый, шикарный и, несомненно, очень дорогой – подарок матери на Новый год. Данику – лосьон для бритья, Соне – костюм. Вот такая социальная несправедливость. Каждой твари по харе.

Сколько ей осталось носить свои наряды? Месяц? Два? Прежде чем придется сменить их на одежду для бегемотиков. Она уже присмотрела себе кое-что симпатичное в магазине «Мать и дитя». Пофорсить бы напоследок в новом элегантном прикиде, да нельзя – неловко перед Даником, у которого даже костюма приличного нет, только джинсы да джемпер. Соня вздохнула и повесила костюмчик обратно в шкаф.

Вопреки ожиданиям Даник пришел с букетом, на фоне которого Сонины голландские хризантемы имели довольно бледный вид.

В необъятной квартире на Никитском бульваре нарядная Маргарита летала на коротеньких ножках в облаке чарующего аромата, ее всемогущий папаша весело погромыхивал начальственным баском, серенькая мама хлопотала вокруг огромного раблезианского стола, толпились какие-то гости, родственники, и Соня совсем растерялась, попав вместо ожидаемой студенческой пирушки на чужое семейное торжество да еще и со своим самоваром.

К тому же Маргарита на правах хозяйки посадила именинника возле себя во главе стола, а Соне досталось место рядом с каким-то паскудным мужичонкой, который прицепился к ней, как к собаке репей, недоумевая, почему она ничего не ест и не пьет, и норовя ненароком коснуться ее руки противной короткопалой лапой.

Соня бросала на Даника отчаянные взгляды, но тот, увлеченный беседой с влиятельным папашей, не обращал на нее никакого внимания. В общем, приятный междусобойчик, где до нее, случайной на этом празднике жизни, никому нет дела, кроме липучего соседа справа.

Гости быстро хмелели, разговор становился все громче, распадаясь на отдельные пьяные голоса. О виновнике торжества, похоже, вообще забыли, и Соня, желая восстановить погран-

ную справедливость, а главное, прочитав свое замечательное стихотворение, встала и решительно постучала вилочкой по бокалу, хотя и опасалась, что написанное для веселого сборища однокашников здесь, на чужом пиру, вряд ли произведет должное впечатление.

– Прошу внимания! – сказала она звонким голосом, с ловкостью иллюзиониста извлекая из-за спины свой подарок. – Я хочу поздравить Даника с днем рождения и вручить ему вот этот тренажер, чтобы он еще больше окреп перед предстоящими суровыми жизненными испытаниями... – Тут она лукаво ему подмигнула. – И прочитав маленькое стихотворение, написанное по этому поводу.

И, убедившись, что гости оторвались от своих тарелок и рюмок, Соня вдохновенно декламировала:

А мы вам палку подарили,
Мы подарили палку вам,
Чтобы вы мускулы развили
Назло завистливым врагам.
Чтобы, шаги чеканя четко,
Красивый, сильный, молодой,
Вы шли пружинистой походкой,
Играя мышцей налитой.
Сверкая крепкими зубами,
Орлиным оком поводя,
Коня смиряя удилами,
В избу горящую входя.
Чтоб в поединке с хулиганом
Могли его вы победить —
Огреть по мерзкой морде пьяной
И печень с почками отбить.
Чтобы, включив воображение,
Могли вы тесто раскатать
Или в решающем сражении
Жене уроки преподавать.
Но вы ее боготворите!
И будьте счастливы вполне!
И много «палок» подарите
Своей красавице жене!

– Бесподобно! – простонал сосед справа, в поэтическом экстазе припадая к Сониному бедру.

Под аплодисменты и крики разогретых застольем гостей Соня подошла к Данику и крепко поцеловала его в губы. Стол взорвался криками «Горько!».

– Ну что ж, – улыбнулась Маргарита и тоже постучала вилочкой по бокалу. – Раз пошла такая пьянка, открою вам одну маленькую тайну.

– Не надо, Марго! – дернулся Даник. – Не здесь и не сейчас!

– Отчего же? – удивилась Маргарита. – Как раз здесь и именно сейчас. Папа! Мама! Можете нас поздравить! Мы с Даником сегодня утром подали заявление!

– Какое заявление? – полюбопытствовала смущенная собственным ошеломительным успехом Соня.

– В загс, – охотно пояснила Маргарита. – Заявление в загс. Но расписаться получится только через месяц. Раньше почему-то никак нельзя.

- Вот девка! – восхитился всемогущий папаша. – Вся в меня – своего не упустит!
- И чужого не отдаст, – ядовито дополнил кто-то из гостей.

Что было дальше, Соня не помнила – то ли сознание потеряла, то ли память. А очнувшись, то бишь обрела себя во времени и пространстве, в своей комнатке, на диване, носом к стенке. Как она там оказалась, когда, а главное, сколько пролежала в этом своем коматозном состоянии, так и осталось невыясненным.

Первой тревогу забила бдительная Фросечка. Мать с Егорычем, получив пугающее сообщение, немедленно забрали Соню к себе в Кузьминки и вызвали Марту.

Семейный совет вынес подлому Данику единодушный приговор: плюнуть и забыть как страшный сон да к тому же и порадоваться, что предатель еще до свадьбы успел обнажить свою гнусную сущность.

- Сучность, – поправила Марта.

А вот относительно ребенка мнения разделились. Марта сочла абсурдной саму мысль о возможности его существования. Мать хранила растерянное молчание. А Егорыч просил подарить жизнь безвинному существу, обещая всемерную помощь и поддержку.

Последнее слово оставалось за Соней.

– Буду делать аборт, – сказала она. – Хочу, чтобы никто и ничто не напоминало мне об этом человеке.

Мать всплакнула, Егорыч осуждающе покачал головой, а Марта села на телефон. И уже на следующее утро Соня оказалась в огромной и душной больничной палате с наглухо закупоренными окнами, где, кроме нее, парились в ожидании экзекуции еще семеро женщин.

Больница, по сути, та же коммуналка, доведенная до абсурда, и личное пространство, ограниченное здесь тумбочкой и кроватью, не спасает от чужих голосов, взглядов и действий. Соня лежала с открытыми глазами и под болтовню соседок думала свою горькую думу.

Никогда еще она не чувствовала себя так плохо, даже после смерти отца. И проклятый токсикоз словно материализовывал душевные муки, и раскалывалась голова, и невозможно было поверить, что когда-нибудь снова вернутся прежние радость и легкость жизни.

А если так, то зачем тогда вообще жить? Очищать страданием душу? Но ведь предстоящий тяжкий грех уже не замолишь...

Уснуть бы и не проснуться. Обойтись без мук и запоздалых бессмысленных сожалений, без этой последней ослепительной вспышки животного ужаса перед неизбежным концом, вечным мраком небытия. Вот завтра и уснуть – не выйти из наркоза, и все дела. Тогда они оба поймут, что наделали, но будет поздно. Значит, только это ей теперь и осталось – дожить до завтра, день простоять да ночь продержаться.

На следующее утро Соню первой пригласили в операционную. Она казалась абсолютно спокойной, но зубы выбивали противную мелкую дробь. Толстая тетка-анестезиолог кольнула ее в вену и басом велела считать до двадцати. Соня послушно начала считать, но быстро сбилась и – о ужас! – забыла порядок цифр. Она уже хотела признаться в этом, но тетка-анестезиолог, видимо, сильно рассердившись, принялась трясти ее за плечо и даже похлопывать по щекам.

– Ну, давай, давай просыпайся! – словно через толстый слой ваты слышала Соня ее грубый голос. – Вот девки пошли! Пьют, курят – одну не усыпишь, другую не разбудишь... Очнулась? Перелезай на каталку.

- Но вы же мне ничего еще не сделали! – заплакала Соня. – Вы сделайте сначала!

- Другим разом, – пообещала тетка-анестезиолог.

– Но почему, почему?! – убивалась Соня, пока санитарка длинным пустым коридором везла ее в палату.

Придерживая между ног окровавленную пеленку, она перебралась на кровать, получила на живот резиновый пузырь со льдом и залилась горячими слезами.

– Ты чего? – склонилась над ней соседка по палате. – Чего реवेशь? Больно?

– Мне не стали делать! – рыдала Соня. – И ничего, ничего не объяснили! Увезли и все-о-о...

– Да как же не стали, когда ты вся в крови? Это на тебя наркоз так действует – одни плачут, другие матом ругаются, а кто болтает – не остановишь. Спи давай.

– Так вы считаете?.. – всхлипнула Соня, поправила пузырь со льдом и провалилась в глубокий сон.

Проснулась она оттого, что рядом, на тумбочке, восхитительно пахло яйцо, оставшееся от нетронутого ею завтрака, – вареное вкрутую яйцо с треснувшей бежевой скорлупкой, через которую виднелся влажный тугой белок. А Соня, надо сказать, раньше, до токсикоза, любила это чудо природы во всех видах – скворчащую яичницу-глазунью с кусочками поджаренной любительской колбасы или бекона, яйца всмятку или в мешочек, а к ним хрустящие ломтики белой булки с маслом, румяный омлет (не толстый, рыхлый, бледный и дрожащий, а пышный, замешанный с тертым сыром и замоченным в молоке хлебным мякишем).

Но и в крутых яйцах тоже ведь была своя прелесть. Ах, какая была прелесть в крутых яйцах!

Соня зажмурилась и даже тихонько замычала от удовольствия, в два приема расправляясь с лакомым кусочком.

Ну почему, почему она отказалась от еды – целой сумки! – приготовленной матерью в больницу?! Правда, еще сегодня утром она не то что есть, думать не могла ни о чем подобном. При одном только упоминании того же яйца дунула бы в туалет обниматься с унитазом. А теперь вот готова сосать собственную лапу, только что это самое яйцо державшую. Соня понюхала пальцы и вздохнула. Интересно, когда здесь кормят, а главное, чем...

Горестные размышления прервала соседка по палате.

– Слава Богу, ожила, – засмеялась она. – А то лежала, как мумия египетская. На-ка вот, подкрепись. – И протянула пакет с упоительно пахнущими жареными пирожками.

– А с чем они? – оживилась алкающая Соня и, не дожидаясь ответа, впилась зубами в румяное маслянистое чудо. – С капустой! – удовлетворенно констатировала она. – Мои любимые! Никогда не ела ничего вкуснее.

– Ну, тебе сейчас нетрудно угодить. Ничего, завтра выпишут, отъешься. А я тут вторую неделю маюсь, – доверительно поделилась соседка. – Чего только не наслушалась. Книгу написать можно. Ведь в больнице, как в вагоне, заняться особенно нечем. Только лясы и точить. А душу облегчить каждому охота. Тем более никто тебя потом носом не ткнет в твои откровения. Ступил за ворота – словно с поезда сошел. Ищи-свищи ветра в поле.

Я вот раньше журнал выписывала, «Иностранную литературу», давно, еще в бескнижные времена. И прочитала там роман. Ни названия не помню, ни писателя, вроде какой-то латиноамериканец. А речь шла о том, что рухнул мост и погибли четыре человека, которые в тот момент на этом мосту находились. И автор задается вопросом: если в нашей жизни все заранее предопределено, значит, не случайно именно эти четверо оказались в ту минуту на роковом мосту и погибли? Ведь счет-то шел на минуты! Чуть раньше – проскочил, чуть позже – и не успел бы сделать этот свой последний шаг. Правда, интересно? И страшно. Я часто об этом думаю. Об этих вот секундах, роковых случайностях, которые по большому счету и правят бал нашей жизни. Значит, и мы не напрасно собрались здесь все вместе, в одной палате. В одно время и с единой целью. Если в жизни-то все заранее предопределено? А? Как ты считаешь?

– Вы имеете в виду, что если бы все эти женщины оставили ребенка, то и судьба бы у них сложилась совсем иначе?

– Не только это. Я, может, не могу объяснить... Но сегодня будет вечер воспоминаний, вот тогда ты меня поймешь. Вчера-то все больше помалкивали, а теперь, когда все позади...

А ты духом не падай – он еще приползет к тебе на брюхе, виляя хвостом, – бросила соседка пробный камень в надежде уже сейчас услышать чужую печальную историю.

– О нет! – тонко улыбнулась Соня. – Я не имею дела с женатыми мужчинами. Это мой жизненный принцип.

5

Женатый мужчина Даник Подбельский отныне являлся ей в мечтах, мерещился в толпе и снился по ночам.

Когда мерещился, Соня напускала на себя надменно-презрительный вид, гордо вскидывала голову и походкой от бедра рассекала толпу, ледяным взглядом замораживая любую попытку вступить с ней в контакт. Это продолжалось до тех пор, пока однажды дорогу ей не преградил прыщавый парень с банальным приколом:

– Девушка, вам не кажется, что мы с вами уже где-то встречались?

– Возможно, – холодно кивнула Соня. – По-моему, я видела вас в зоопарке.

– Точно! – обрадовался парень. – На вашей клетке было написано «Верблюд – корабль пустыни»...

В мечтах прозревший Даник молил о прощении, и Соня, с лихвой насладившись его раскаянием, великодушно отпускала грехи – прощала все. И дальше, как водится, они жили долго и счастливо и умирали в один день, окруженные рыдающими детьми, внуками, кошками и собаками.

А вот сны Соне не подчинялись. Хотя где-то она читала, что умные люди давно научились управлять своими сновидениями – заказывать тематические просмотры и даже лично в них участвовать, как в любительских спектаклях, прерывая действие в нужном месте по собственному желанию и понимая, что это всего лишь сон.

Но Соне такие фокусы не давались, она и попробовать не пыталась – знала, что все равно не получится. Смотрела, что показывали, и просыпалась в слезах – Даник снился часто, наверное, потому что она все время о нем думала.

Конечно, отсутствие столь экзотических способностей, как постановка собственных сновидений, скорее норма, нежели отклонение от оной. Но отвергнутая Соня странным образом чувствовала свою ущербность, никчемность, второсортность и что там еще может чувствовать невеста, брошенная за ненадобностью у порога загса?

А в общем-то дело совсем не в этом, даже наверняка не в этом! А в том, что есть где-то женщины неземной красоты, недюжинного ума и ангельского характера, о которых мужчины мечтают, идут ради них на труд и на подвиг, слагают стихи и песни, пишут книги и снимают кино, а главное – хранят им верность до гробовой доски. Просто она, Соня, увы, не из их числа. Ни кожи у нее, ни рожи, ни дна ни покрывки, и пятей во лбу раз-два и обчелся, и ноги растут не от ушей, а откуда положено.

«Почему это ноги так плохо пахнут?» «А вы не забывайте, откуда они растут».

Но это так, присказка. А сказка в том, что таких, как она, Соня, очень много – выбирай любую и глумись над ней сколько влезет, пока не надоест. Но разве Маргарита лучше? Или оттого, что всемогущий папа назначил ее царицей мира, у дочки подросли ножки и прибавилось душевного очарования? Или для цариц это уже не суть важно?

На курсе приключившаяся мелодрама мгновенно стала всеобщим достоянием. А поскольку преуспевающих и наглых никто не любит, а отверженных и побитых, наоборот, любят все, то и с Соней носились как с писаной торбой, а злодейку Маргариту подвергли всеобщему остракизму. Но та только насмешливо кривила пухлые губы, мол, видала я вас всех в гробу в белых тапочках.

Впрочем, на свадьбу пошли всей группой (кроме Сони, естественно), не устояли – зал в «Метрополе», бомонд, богема, политическая элита – когда еще выпадет такая удача? «Из чистого любопытства, Соня! Ну, ты же понимаешь!»

Впечатлений и правда было несть числа – кто с кем, кто в чем, подарки, букеты, машины! А бриллианты! А стол! А платье у Маргариты! А как она вешалась на жениха, вы помните? Как лезла целоваться – он еле вырвался! Все видели, честное слово!

Однако страсти кипели недолго, поскольку стремительно приближалась защита диплома, который, кстати сказать, находился у Сони в зачаточном состоянии, и надо было немедленно садиться за работу. Следом грянули госэкзамены, а за ними – новая, рабочая жизнь, где Маргарите уж точно не оставалось никакого места, даже самого малюсенького.

Но во-первых, как известно, чего больше всего боишься, то с тобой и случается, а кого отторгаешь всеми силами, тот к тебе и липнет (и наоборот, между прочим – держи не держи, а если суждено потерять, потеряешь за милую душу). А во-вторых, Соне и самой до смерти хотелось знать, хоть одним глазком посмотреть, как поживает сладкая парочка – подлая разлучница Маргарита и Даник – коварный изменщик.

Бывшая подруга сама удовлетворила ее любопытство через два долгих года, когда все происшедшее с ними давно потеряло свою остроту и значение. Явилась в гости с бутылкой мартини и крохотными пирожными из итальянской кондитерской. Просто открыла дверь и вошла в ее комнату. Соня как раз собиралась поужинать и отрывала ножку от презентованной матерью курочки да так и застыла, прижав к груди испачканные жиром пальцы.

– Ну что, – усмехнулась Маргарита, – можно войти? Или прогонишь?

– Заходи, – чуть помедлив, разрешила деликатная Соня.

Вот так она из первых уст узнала печальную повесть о Данике и Маргарите. По версии последней, произошло следующее.

Нищего, безродного провинциала приняли в приличную московскую семью с традициями. Прописали, обласкали, одели с ног до головы и накормили досыта. С собой он принес две рваные майки и трусы в авоське. Но никто не сказал ему даже слова упрека. Наоборот! Жизненные блага безвозмездно и щедро просыпались на дурную голову – отдельная трехкомнатная квартира (полностью, заметьте, обставленная!), крутая машина (не «бентли», конечно, «фольксваген-гольф», но тоже, извините, не «Запорожец») и престижная работа в солидной юридической фирме.

И чем он ответил своим благодетелям? Как отблагодарил за неслыханную щедрость? Развелся с ней, Магаритой, и потребовал выплатить ему половину стоимости квартиры, приватизированной в равных долях! Уговаривал ее отец не делать этого, а она, дура, уперлась рогом – побоялась обидеть любимого мужа, чтоб он сдох, зараза!

Естественно, нахалу показали большой кукиш. Тогда он стал приводить баб, в открытую, представляешь?! А что поделаешь – частная собственность.

Отец прислал ребят разобраться, так эта сволочь стукнул, куда надо. Ведь все законы знает, сука! Хотели турнуть его с работы – и что ты думаешь? Обрюхатил дочку шефа, и та вцепилась в него руками, ногами и гениталиями. Ну ничего! Она еще узнает, какой подарочек получила!

Пришлось заплатить за его долю по рыночной стоимости, и он уехал на их же кровном «фольксвагене», мигнув на прощание габаритными огнями. Сволочь, сволочь, сволочь!!!

– Так что, Соня, дорогая, – заключила подвыпившая Маргарита, – забудь свои глупые обиды и преисполнись благодарности за то, что я избавила тебя от этого чудовища...

Соня, хорошо зная бывшую подругу, поделила услышанное на четыре – а то и на восемь! – прощаясь, обещала обязательно позвонить, но слова своего не сдержала и даже бумажку с номером телефона не сохранила – выбросила за ненадобностью с остатками курицы. Хотя Маргарита сулила устроить ее в РИА «Новости», где ударно трудилась с подачи всемогущего папаши.

– Лучше мыть подъезды, – сказала на это Марта, – чем якшаться с предательницей. – И конечно, была абсолютно права.

Соня в то время работала в маленькой окружной газете, поскольку, обив пороги больших и популярных изданий, убедилась, что без протекции дорога туда ей заказана и единственное, на что можно было рассчитывать, – это работа внештатным корреспондентом.

– Творите! – напутствовали ее в каждой редакции. – И если материал будет стоящий, обязательно вас напечатаем! Все с этого начинали...

И трудолюбивая Соня творила в свободное от основной работы время и даже что-то печатала в сокращенном до минимума варианте. Особым спросом пользовались душераздирающие истории для дамских журналов, которые те публиковали под видом читательских писем из городов и весей необъятной России и ближнего зарубежья.

Фантазия у Сони работала прекрасно, но не до пенсии же перебиваться случайными заработками?

Объявление о том, что компания «Вельтмобил», стремительно ворвавшаяся на коммуникативный рынок, набирает персонал в сеть своих магазинов, напечатала их газета. Соня тогда еще подумала: «Вот он, уродливый лик капитализма, – какой-то занюханный продавец получает в шесть раз больше дипломированного журналиста!» Ей бы и в голову не пришла причудливая идея так радикально поменять свою жизнь, если бы не два обстоятельства.

Сначала в редакции появился упитанный молодой человек Боря, великовозрастный сыночек полезной дамы из префектуры. Толку от Бори было как от козла молока, но кто же будет кусать руку, доверчиво протянутую из органа власти? Только дурак. А их главный редактор дураком не был. То есть по большому счету он был, конечно, именно дураком, но в то же время как бы и нет.

Короче говоря, упитанный Боря утвердился в редакции и, к великой Сониной досаде, за соседним с ней столом. Он целыми днями висел на телефоне, порол чепуху и мешал сосредоточиться. Имел жену, маленькую дочку и любовницу Зину. Последнего обстоятельства не скрывал и чрезвычайно им гордился, считая себя крутым до потери сознательности.

Любовнице Зине (в отличие, кстати, от жены и дочки) Боря звонил по несколько раз на дню – пускал слюни и сюсюкал так, что у Сони сводило челюсти. Но самый впечатляющий разговор происходил обычно после обеда, когда сытый Боря, порыгивая и ослабив галстук, набирал главный номер своей жизни и говорил педерастическим голосом:

– Кисинька покушала?

– ...

– А что кисинька кушала? Супчик? Борщик! Ай молодец! А на второе?

– ...

– Умница ты моя! А компотик пила?

– ...

– А булочку? – вкрадчиво интересовался Боря, ерзая на стуле от избытка чувств, и Соне казалось, что в этот момент он истекает сладкими оргазмическими соками.

Ну какой, казалось бы, напасти можно ждать от подобного чудака? А вот, к примеру, такой. Как-то, возвращаясь в свою комнату от главного редактора, Соня столкнулась в дверях с озабоченным Борей, а усевшись на свой стул, почувствовала, что он еще теплый, будто кто-то нагрел его своей огнедышащей задницей.

Догадка сверкнула как молния, и Соня дрожащими руками полезла в сумочку, где нетронутой лежала только что полученная зарплата – пять тысяч. Десять новеньких хрустящих бумажек. Стопочка оказалась на месте, но, как выяснилось при подсчете, похудела на две пятисотенных. Боря оказался гуманистом – поделил по справедливости – тебе кучку и мне штучку.

Возмущенная Соня совсем уже было собралась уличить пройдоху, да призадумалась – стул давно остыл, а других доказательств у нее не было. Не пойман – не вор. А может, это ей в бухгалтерии по ошибке недодали? Пересчитала она деньги при получении? Нет. Или сама истратила да забыла. Или кто другой пошалил, а вовсе не Боря, чистый и непорочный.

И как завести такой разговор? Как сказать человеку: «Ты сидел на моем стуле и сдвинул его с места, а заодно умыкнул часть зарплаты»? Вот уж это точно не ее амплуа. Так что шум Соня поднимать не стала, а деньги отныне носила при себе, благо суммы были невелики – карман не тянули. А на мерзкого Борю даже глаз поднять не могла, как будто в чем-то перед ним провинилась, и очень это ее тяготило. Ну просто очень.

Вторая напасть нарисовалась в образе предприимчивой девицы из города Новая Ляля. Честное слово! Соня даже в справочнике посмотрела – действительно, есть такой город в Свердловской области, с железнодорожной станцией и даже большим целлюлозно-бумажным комбинатом, на котором, видимо, все рабочие места были уже заняты, и девица в поисках лучшей доли рванула напрямик в Москву. Вот с этой самой станции и рванула.

Звали ее Алевтина, и была она хороша, как молодая горячая лошадь, – косила бешеным глазом, веяла рыжей гривой, подрагивала мощным крупом и рыла копытом землю. На каком перекрестке судьбы юная дикарка встретила редактора окружной газеты и как ему удалось взнуздать и стреножить столь строптивое существо, неизвестно, но факт оставался фактом – в сердце последнего вспыхнула внезапная страсть и, как поется в известной песне, схватила мозолистой рукой за одно место.

Стесненный в средствах примерный до сего рокового дня семьянин совершенно справедливо рассудил, что лучше держать младую и вечно голодную кобылку на довольствии в редакции окружной газеты, нежели прикармливать из собственной скромной кормушки, и так уже тесно облепленной домочадцами.

Первое время Алевтина из отведенного ей стойла не высовывалась, являя собой никакую вовсе не кобылку, а скорее трепетную лань – тихую, ясную и безответную, но училась быстро и прилежно, как губка впитывая премудрости столичной жизни. Особенно тянулась она к Соне, приняв ее за образец, достойный подражания.

А Соня, надо сказать, на тот момент могла себе позволить некоторые изыски, несмотря на скромную зарплату, – спасибо Егорычу. Бывший профсоюзный начальник, приватизировав ведомственный гараж, открыл на его базе автомобильный сервисный центр и взял в долю Егорыча, хорошо понимая, что именно к этому мастеру клиенты слетятся как мухи на мед. И Соня много получала от щедрого отчима, а уж ее «Жигули», доведенные до совершенства, не уступали иной иномарке.

Между тем гостя Москвы Алевтина, или, как ее за глаза называли в редакции, Новая Ляля, на удивление быстро оперилась и заявила права на помеченную территорию. И то, что поначалу являлось лишь поводом к пересудам, неожиданно переросло в большую проблему для всей команды.

Преображенная пассия главного редактора закусил удила. Теперь она самозабвенно контролировала дисциплину – время прихода и ухода, несанкционированные отлучки в течение рабочего дня, чаепития, перекуры, праздные разговоры и, не дай Бог, распитие спиртных напитков – все заносилось в толстую тетрадочку и обстоятельно докладывалось шефу. Шеф потрясал тетрадочкой на планерках, коллектив потихоньку зверел и давался диву – «вот она, любовь окаянная», что делает с человеком, а ведь вроде нормальный был мужик, невредный.

Но когда Новая Ляля полезла свиным рылом в калашный ряд, то бишь начала вмешиваться в творческий процесс, страсти закипели нешуточные.

– Давайте с ним поговорим, с шефом, – предложила разумная Соня. – Он же все-таки не дурак и должен понять, что постель и газета – две большие разницы, как говорят в Одессе.

Коллектив предложение горячо одобрил и наделил Соню необходимыми полномочиями, хотя она, конечно, отбивалась изо всех сил. Но не отбилась – уболтали, можно сказать, втолкнули в кабинет. И чем дело кончилось? Противно вспомнить.

Шеф слушал хмуро, в глаза не глядел, играл желваками. Соня замолчала, и в комнате повисла тишина.

– Ну что ж, – наконец очнулся главный редактор. – Давно следовало понять, что с преступницей милосердие бессмысленно.

– Она преступница?! – ужаснулась Соня.

– Да нет, – зловеще усмехнулся шеф. – Она ответственный маленький человечек, честно выполняющий свою работу. А вот вы – воровка. Вы деньги украли.

– Ка-какие деньги? – опешила Соня.

– Вы украли у Бориса тысячу рублей. Он сказал мне об этом и просил не поднимать шума в надежде, что подобное не повторится. Надо было немедленно вас уволить, но я пошел на поводу у этого великодушного человека и совершил непростительную ошибку. Ибо теперь вы вознамерились извести честного сотрудника и посеять рознь в коллективе, чтобы легче было ловить рыбку в мутной воде.

– Вы что, сбрендили?! – закричала Соня. – Это же он украл у меня деньги!..

– Ну хватит! – хлопнул ладонью по столу главный редактор. – Или вы сегодня же пишете заявление по собственному желанию, или завтра я вас увольняю по статье.

Вот так Соня, без вины виноватая, осталась без работы. Написала заявление, собрала вещички, а с порога сказала Боре, который деловито строчил в блокноте, не поднимая глаз:

– Береги яйца, пидор.

И увидела, что тот испугался. Пустячок, а приятно!

6

Если вам кажется, что все кончено, перекреститесь, ибо жизнь продолжается, просто теперь она будет другая и, вполне возможно, гораздо лучше прежней.

– Слава Богу, выдралась из этого отстойника! – обрадовалась Марта, всегда умевшая рассмотреть оборотную сторону любой неприятности. – Тухла бы там до пенсии среди маргиналов.

– Рано или поздно я бы все равно поменяла работу. Но сама!

– Свежо предание. Болото затягивает, особенно таких, как ты.

– А какая я?

– Унылая. Пригорюнилась, как Аленушка на пеньке.

– Аленушка горюнилась на камушке.

– Ну так у нее братец был серенький козлик. А тебе-то с чего?

– А мне, ты считаешь, не с чего! – вскинулась Соня. – Жених с лучшей подругой помахали ручкой на пороге загса, ребенка потеряла, с работы выгнали как воровку без права реабилитации, а мне все хрен по деревне! Кто это побегал там, такой веселый? Да то Соня из ансамбля имени Кащенко!

– Тащишь по жизни бывшие обиды? Я думала, все это в прошлом.

– Я тоже так думала.

– Забудь его, Соня. В твоей жизни он больше не объявится, да и не дай тебе Бог.

– Я знаю.

(«Знаешь ты сюсю, да и то не усю», – поговаривал, бывало, главный редактор, ни дна ему ни покрывки. Еще он смачно высасывал из дуплистых зубов остатки корма, говорил «в двух тысяча таком-то году» и не всегда застегивал ширинку.)

– Ладно, Сонька, не горюй! Поторгуешь телефонами, все не семечками на базаре. А там посмотрим.

– Если возьмут.

– Возьмут, куда денутся.

Никуда не делись, на работу взяли и определили в салон на Тверской, в нескольких минутах ходьбы от дома, что уже можно было считать большой удачей. Впрочем, обстоятельство это оказалось единственным со знаком плюс. В остальном же жизнь переменялась кардинально и отнюдь не в лучшую сторону. На смену вольным редакционным хлебам пришли жесткий график, железная дисциплина и зеленая тоска. Потому что какая же тут радость, скажите на милость, с утра до вечера продавать мобильные телефоны, сим-карты и иже с ними? Ни-ка-кой!

В жизни вообще мало радости. А может, это лишь видимость, поскольку нас все время манят иные вершины, которые и представляются счастьем.

Соне казалось, будто она бежит и бежит по кругу, где всего две остановки – салон мобильной связи и каморка в коммунальной квартире. А единственная собеседница – Нинка Капустина, та самая, из Одинцова.

Впрочем, собеседницей Нинку можно было назвать с большой натяжкой. Скорее рассказчицей. Ибо чужое мнение ее абсолютно не интересовало, и в тех редчайших случаях, когда, потеряв бдительность, она позволяла слушателю завладеть инициативой в разговоре, глаза ее тускнели и выключались – она ждала паузы, чтобы немедленно вклиниться и продолжить собственное повествование.

Любая фраза, чудом досказанный эпизод чужой жизни или опрометчиво заданный вопрос рождали глубинный поток сознания, где реальные события минувшего дня и ночи обрастали воспоминаниями, ассоциативными вторжениями в иные темы, зарисовками из

жизни никому не ведомых или всем хорошо известных реальных и литературных персонажей, а также, понятное дело, обзором телепередач и печати – Нинка много читала в электричке.

В такие моменты, к счастью, не слишком частые, Соня, стиснув зубы, молила: «Господи! Пожалуйста! Пусть она заткнет свой фонтан и отвалит!», с ненавистью глядя на неутомимую щебетунью. Но вскоре научилась мысленно отключаться, думая о своем, девичьем, и вздрагивая, когда Нинка в кульминационных местах тыркала ее в бок:

– ...Представляешь? На двадцать миллионов!

– Чего? – очнулась Соня, возвращенная в реальность увесистым тычком. – Долларов?

– Каких долларов? – грозно нахмурилась Нинка. – Или ты меня не слушаешь?

– Я слушаю, – торопливо заверила Соня. – Просто не поняла, в какой валюте.

– У тебя что, программа зависла? Я говорю, прочитала в газете, мужиков у нас в стране на двадцать миллионов меньше, чем женщин. Ты хоть понимаешь, что это значит? А я-то недоумеваю, кто вокруг меня вьется – козел на козле сидит и козлом погоняет. Двадцать миллионов! Страшная цифра! Теперь давай считать дальше. Ты меня слушаешь?

– Да, – честно ответила заинтригованная Соня.

– Из оставшегося ничтожного количества вычеркнем наркоманов, алкоголиков и бытовых пьяниц – раз, гомиков и импотентов – два, дебилов и уродов – три, братков, бомжей и уголовников – четыре, стариков и юнцов – пять! – Нинка торжествующе показала крепко сжатый кулак.

– Женатых – шесть, – подсказала высоконравственная Соня.

– Да ты что? – покрутила пальцем у виска Нинка. – Кто же тогда остается?

– Ну, я не знаю. Разведенные...

– Ты вообще представляешь масштабы трагедии? Где-то тусуется последняя жалкая кучка нормальных мужиков, вымирающих, как уссурийские тигры, а мы даже не знаем где, чтобы начать охоту!

– А я не собираюсь охотиться.

– О, я совсем забыла! Ты же у нас девушка романтическая! Вот так и будешь ждать, когда «счастье вдруг в тишине постучится в двери»?

– Вот так и буду.

– Хрен дождешься.

– Дождусь, – сказала Соня и как в воду смотрела.

...Однажды в сумерках долгого летнего вечера, взгромоздив стремянку на журнальный столик, она крепила оконную занавеску, выстиранную и выглаженную матерью, когда в дверь постучали.

– Войдите! – не оборачиваясь, крикнула Соня в полной уверенности, что пришел сосед, владелец стремянки Костя Стариков, грозившийся помочь.

– Привет, старушка, – послышался знакомый голос.

То есть даже не послышался, а грянул как гром небесный, и ошеломленная Соня обернулась с вознесенной рукой и открытым ртом, словно Родина-мать на Мамаевом кургане.

(Последнее досадное обстоятельство долго ее потом мучило. Она даже в зеркале пыталась восстановить дикую маску своего лица в тот судьбоносный момент и огорчалась почти до слез. Вот ведь нелепость какая: воображение рисует достойные сцены в различных жизненных обстоятельствах, а действительность захватывает тебя врасплох с какой-то обезьяньей гримасой. Ну что могло быть хуже? Наверное, только пукнуть или описаться от избытка чувств...)

– Ты что, повеситься собралась? – непринужденно осведомился Даник.

– Да, – только и могла вымолвить Соня, каменея на своей стремянке.

– С чего бы это?

– Сама не знаю. Дай, думаю, повешусь. Для разнообразия...

Она спустилась со стремянки, в шортах и короткой маечке на голое тело. Он протянул ей руку, помогая сойти с журнального столика, и Соня машинально на нее оперлась, мучительно соображая, как повернуть ситуацию в свою пользу и снова оказаться на высоте. В смысле не на стремянке, а...

Но додумать до конца не успела. Потому что он уже рванул ее к себе, сжимая спину горячей сухой ладонью. И Соня, объятая мгновенным пламенем, сгорела в нем со всеми своими принципами, обидами и благими намерениями.

Потом они лежали на разложенном диване, и занавеска, так до конца и не повешенная, свисала над ними приспущенным траурным флагом.

Конечно, можно было бы еще и сейчас встать в позу и гордо указать на дверь. Но не смешно ли, право слово, вставать в позу после всего, что только произошло?

– Слушай, старушка, – прервал Даник ее нравственные страдания. – Все хотел у тебя спросить: Егорыч еще функционирует?

– Еще как функционирует.

– Все там же? На прежнем месте?

– Не-ет, он теперь у нас передовик капиталистического производства, – похвалилась Соня. – Мистер Твистер, почти что миллионэр.

– А машинами больше не занимается? – огорчился Даник.

Она толком не успела его рассмотреть. Неловко было, да и вообще... А сейчас подняла глаза и впилась, не в силах оторваться – так захватили ее подробности происшедших с ним перемен.

Он теперь коротко стригся. Наверное, потому что волосы заметно поредели. И возле глаз залучились первые морщинки. А на щеках – модная нынче трехдневная щетина. (Соне эта дурацкая мода не нравилась, казалась неопрятностью, особенно на тронутых временем лицах). И руки, такие большие, крепкие, покрытые мягкими темными волосками. А на груди, тоже теперь сильно заросшей, волосы были жесткими и курчавились, подступая к самому горлу, по плечам перетекая на спину, шелковой дорожкой сбегали по плоскому животу и снова жестко курчавясь.

Соня коснулась пальцами упругих завитков, и Даник снова резко притянул ее к себе, к волосатой, щекотной груди.

– А я, дурак, все боялся к тебе прийти. Думал, прогонишь, начнешь выяснять отношения – все эти бабьи идиотские фокусы. Во! – полоснул он ребром ладони. – Сыт по горло!

Он говорил долго и несвязно, будто откалывал от себя кусок за куском, просыпая камушки слов. И обнажался перед ней, чистый и непорочный. И получалось, что не было у него в жизни ничего лучше этой крохотной комнатухи и единственная женщина, которую он действительно любил, это она, Соня. А летучие годы без нее он не был счастлив, хотя и многого добился, работая на износ. И ничто никогда не давалось ему без боя. И всем-то он что-то должен и обязан своей благодарностью, неизвестно, правда, за какие коврижки. А он, между прочим, тоже не пальцем сделан, и время еще покажет, за кем останется последнее слово.

Даник посмотрел на часы, поиграл желваками.

– Я тут по дурусти вляпался в одну передрыгу. Тесть купил себе новую тачку, крутую, и поставил в своем коттедже. Он себе домину в Снегирах отгрохал и съехал туда с молодой женой, а теще квартиру в Москве оставил и дачу старую с барского плеча, чтоб несильно убивалась. А сейчас уплыл вместе с телкой в круиз по Средиземному морю, а нас с Полиной просил пожить в коттедже – кот у них там и две собаки. И дернула меня нелегкая смотаться в одно место на его тачке. Дурак! Полный дурак! Простить себе не могу! Подъезжаю к переезду, а его вот-вот закроют. Думал, проскочить успею, газанул, а шлагбаум, сука, прямо по ветровому стеклу долбанул – и вдребезги. Я назад резко сдал и задним бампером в «газель». С мужиком мы на месте разошлись, без ментов. Машину в гараж поставил. Через неделю тесть приезжает.

И надо мне ее за эту неделю отремонтировать так, чтобы комар носа не подточил. И чтоб с ценой не борзели. Тачка-то крутая, сразу, суки, сумму удваивают. В общем, выручай, Соня. Только на тебя вся надежда. Поговори с Егорычем. И чтоб деньги частями...

– Вот тебе и мотив, – презрительно фыркнула Марта. – Черт с ней, с машиной, Егорыч за работу деньги получит. Но тебя-то как угораздило опять в это дерьмо вляпаться?

– Ты не понимаешь...

– Да это ты не понимаешь, малахольная! Он же без мыла в любую задницу влезет! Он тебя использует, а ты плетешься, как коза на веревочке. И это после всего, что было!

– Наверное, со стороны все так и выглядит. То есть именно так и выглядит. Но это не так! Ты же ничего не видела! Он не играл! Нельзя сыграть страсть!

– Охотно верю! Конечно, не играл! Зачем? Он ведь и так кипел страстями – тесть вот-вот нагрянет, машина разбита, денег нет, поневоле возбудишься. Кому это надо? Он тебе жизнь испортил!

– Я его люблю! – упрямо набычилась Соня.

– О, ё-моё! А как же твои принципы? «Женатые мужчины для меня не существуют»?

– Это совсем другой случай.

– Случаи всегда одинаковы! Мужчина или женат, или свободен.

– Он не любит свою жену.

– Но живет с ней, спит и рождает детей. Значит, не твое это собачье дело!

– Насколько мне известно, сама ты не слишком придерживаешься этих принципов, – ядовито заметила Соня.

– Так я их и не декларирую. И уж никогда не стала бы связываться с заведомым подлецом и предателем.

– Ты все перевернула с ног на голову! Это у меня его украли! Не забыла? А он все эти годы... Он просто боялся, что я укажу ему на дверь. Надо быть милосердной! Любой может совершить ошибку, в том числе и ты, такая непогрешимая.

– Я просто пытаюсь уберечь тебя от неизбежного зла.

– Ну хорошо, – задумчиво сказала Соня. – Допустим, что ты права и Даник действительно пришел сюда, чтобы с моей помощью решить свои проблемы. Я не звала его и не пыталась удержать. Но ведь все познается в сравнении. И если он хочет быть со мной, значит, там ему плохо. Ну, или не очень хорошо. Это его решение и его проблемы. Его жизнь, понимаешь? Если я скажу ему «нет», ничто не изменится. Он только еще больше утвердится в своих желаниях, потому что уже почувствовал разницу. Что скажешь?

– Только одно: мы всегда готовы поверить в то, чего нет, и не хотим замечать очевидного. Но ведь ты все равно меня не услышишь...

7

Оказывается, счастливые люди живут по другим законам, в совершенно ином измерении. Будто распахнули тусклое и глухое, давно не мытое окно, и мир ворвался в затхлое пространство со всеми своими красками, запахами и звуками, полный людей, событий, всевозможных дел и переживаний.

Словно после тяжелой болезни или долгого сомнамбулического сна все вокруг обрело смысл и значение, стало важным и чрезвычайно интересным. Словно яркие подробности жизни, скопившиеся за немывтым, наглухо задраенным окном, хлынули теперь неудержимым потоком, тесня и обгоняя друг друга. И только полный болван без единой пяди во лбу не смог бы догадаться, по чьей вине под звуки музыки и в полыхании огней закрутилась эта бешеная карусель.

Ну конечно, конечно же, Даник явился всему причиной. Сначала, когда они жадно навостывали упущенное и часами не могли оторваться друг от друга, потрясенные буйством гормонов, Соня и думать не думала о странности своего неожиданного статуса, настолько очевидными казались грядущие жизненные изменения. Но время шло, гормоны почили в бозе, и ветер перемен лишь слабо шелестел листочками календаря.

Даник приходил по вторникам и пятницам, ночевал, когда позволяли обстоятельства, возил на осеннюю, замерзшую в ожидании зимы дачу. Болтун по природе, он мог часами витийствовать о своем обалдевшем от денег тесте и его ушлой молодой стервозе, об одуревшей от унижения и одиночества теще, изнемогающей от безделья жене Полине и не по годам развитой дочке Сашеньке, о тупых и жадных клиентах, продажных ментах, откровенно вымогающих взятки в обмен на прекращение дела, о наглости судей, не желающих даже слушать аргументы защиты, о необычных проявлениях собственного тела, взлетах мысли и движениях души. Но в отличие от Нинки Капустиной, в силу профессии или природного благожелательного любопытства умел слушать. И Соня знала, что ее слова не увязнут в вакуумном безразличии, тщетно пробиваясь к отключенному сознанию собеседника.

Он никогда ей ничего не обещал, ни в пылу страсти, ни в бреду изнеможения, ни в конвульсиях оргазма, ни словом, ни взглядом, ни мановением руки не намекая на возможные перемены. Так что совершенно непонятно, на какой скудной почве вдруг проклюнулись и пошли в рост слабые побеги Сониных надежд и притязаний, питая ее своими горькими соками.

– Не будь идиоткой! – сердилась Марта. – Он никогда не разведется и никогда на тебе не женится. Да и упаси тебя Бог от такого подарка. Не можешь смириться с участью вечной любовницы – гони его в шею. И правильно сделаешь, между прочим. А если не хочешь расстаться со своим сокровищем, выбирай одно из двух: либо ты скандалами отравишь жизнь и ему, и себе, пока он не рванет от тебя без оглядки, либо примешь все как данность и постарайся извлечь максимум удовольствия.

– Ты бы на моем месте предпочла второй вариант?

– Я бы на твоем месте родила ребенка, пока еще не поздно. Если ты, конечно, не хочешь закончить жизнь сумасшедшей старушкой в компании четырнадцати кошек...

И этот благой призыв попал прямо Богу в уши и был услышан, одобрен и приведен в исполнение.

Даник даже не пытался скрыть раздражения:

– Ты не шутишь?

– Нет! – горячо заверила Соня. – Тест показал...

– Да плевать мне на тест! Ты что, действительно хочешь оставить ребенка? Родить и принести вот в эту берлогу? Куда ты поставишь кровать? Взгромозишь на журнальный столик? Нам вдвоем здесь не повернуться. А купать? Где ты будешь купать младенца? В осклизлой

ванне в очередь с бабой Любой? А пеленки сушить рядом с ее кумачовыми трусами? Или в своей комнатенке на батарее? Я уже не спрашиваю, где ты будешь их стирать. Да ты вообще хоть отдаленно представляешь, что это такое – иметь ребенка? Какие это бабки? Кто вас будет содержать на время декрета? Егорыч? Так пусть сначала купит тебе квартиру! Ты знаешь, почему нынче детские шмотки, питание, лекарства? А что такое бессонные ночи? Очнись, старушка! Не время и не место сейчас мечтать о ребенке. Или, может, ты нацелилась жить у матери? Ну что же, флаг тебе в руки. Только меня там, увы, не будет. Это хоть ты понимаешь? Или тебе наплевать? Ну зачем, зачем, Соня?! Что за дикое желание все испортить?!

И снова она должна была принимать решение со странным ощущением дежавю. Только на сей раз семья выступала единым фронтом, призывая не губить неожиданно завязавшуюся жизнь.

– Не слушай его, Соня! Легко говорить, имея дочку! Он же эгоист до мозга костей! Перешагнет через тебя и не оглянется. А ты останешься одна-одинешенька.

– Он отец этого ребенка и тоже имеет право голоса, – заступилась справедливая Соня. – И в его словах есть своя логика. Ведь есть?

– Да ты Бога будешь благодарить денно и ночно за этого ребенка! Оставь его, Соня! Ведь не простишь потом ни себе, ни ему! Локти будешь кусать...

Но, как известно, ночная кукушка перекукует, а ночной дятел, естественно, перестучит.

– Давай решать проблемы, как разумные люди, – сказал дятел. – Все у нас с тобой еще будет. Потерпи, старушка.

И Соня пошла в больницу. Вернее, поехала – Даник повез на своей машине и проводил чуть не до самой палаты. Боялся, видимо, как бы не передумала по дороге.

Большая, пронизанная солнцем сквозь старинные клены за окном палата показалась ей девичьей спальней в пионерском лагере, столь юные обитательницы ее населяли. И Соня подвинулась, как небывало помолодел секс.

Младые вакханки щебетали, не закрывая рта, и она прикрыла глаза, чтобы не оказаться втянутой в этот бессмысленный треп на непонятном птичьем языке, обильно приправленном матерком, недоумевая, неужели и сама в недавнем прошлом была такой же тупой и нелепой? («В наш крематорий зашибенный клубень причалил. Мы с ним в рыгаловке пересеклись и сразу занюхались. Тут как раз кони в туман свалили, он ко мне и приткнулся. Я говорю: «Валенок надень! Вдруг ты веник?» А он такой морозильник, никак не врубится...»)*

Не настолько уж она старше, чтобы между ними разверзлась такая неодолимая пропасть. Хотя в двадцать лет ей тоже казалось, будто на четвертом десятке жизнь прекращается как таковая, переходя в унылое прозябание. И похоже, это не только ее представление, если судить по такой, например, рекламе: «С кремом для лица «Непомнюкаконтамназывается» вам удастся избежать морщин *даже после тридцати*». Соня, услышав, чуть со стула не упала от такой наглости.

Теперь-то роковой порог плавно отодвинулся годам к пятидесяти, хотя Соня смутно подозревала, что с течением времени он так и будет уплывать от нее, словно ускользающая линия горизонта.

А может, дело совсем не в возрасте, а в разности? Может, не такие они дурные, эти девчонки, а просто другие, и именно из этого рождается непонимание? Вот, например, она, Соня, – современная молодая женщина с высшим гуманитарным образованием – тоже кому-то может показаться непроходимой тупицей. Недавно в женской консультации, томясь от скуки в ожидании своей очереди, она машинально перебирала разложенные на столике между креслами рекламные проспекты противозачаточных средств и детского питания и наткнулась на газету «Ивановский университет», неведь каким образом сюда попавшую. «Красота женщины – в ее уме» называлась большая статья на первой странице. С фотографии смотрела симпатичная девушка, и Соня заскользила глазами по строчкам:

В начале года блестяще защитила докторскую диссертацию завкафедрой русской литературы, дважды ученый секретарь (совета университета и докторского диссертационного совета) Е.М. Тюленева. Работа называется «Пустой знак» в постмодернизме: теория и русская литературная практика». Взятая тема находится на стыке двух дисциплин, поэтому судьбу диссертации решали члены двух диссертационных советов – девятнадцать докторов наук. И все проголосовали единогласно...

Интервьюер – некая Т. Лойко, тоже ведь, наверное, не выпускница ПТУ, честно призналась, что попыталась понять, о чем идет речь в диссертации, но потерпела полное фиаско.

Взятая тема – очень узкоспециальная, – пояснила ученая девушка. – Если говорить совсем просто, она, наверное, о том, что сегодня происходит в нашей жизни, в современной литературе, современной эстетике, современной философии. Сменился тип мышления, соответственно появилась другая литература, другая культура. «Пустой знак», о котором идет речь, – это ситуация пустого означивания, в которой мы сейчас живем. Основания жизни утрачены, осталось огромное количество имен, которые называют эти основания. То, что мы сейчас имеем, – это взаимодействие между этими именами, между названиями...

Впечатленная, Соня взглядела в милое лицо, пытаясь высмотреть на нем истоки столь глубинной учености, прихватила газетку домой и вечером зачитала Данику особо заковыранные места.

– Ну и что? – усмехнулся тот. – Почитала бы ты юридические трактаты. Я тоже так умею.

– А ну-ка, давай!

– С точки зрения банальной эрудиции, – надменно произнес Даник, – каждый индивидуум, критически метафизирующий абстракцию, не может игнорировать критерий субъективизма.

Они посмеялись, но осадок остался – ощущение некоей ущербности, собственной неполноценности, что вот люди занимаются «мифопоэтикой, соответствующей совершенно иной системе мышления», а она читает женские романы и торгует мобильными телефонами. Но с другой стороны...

Из задумчивости Соню вывел пронзительный голосок, буравчиком впивающийся в мозг:

– Врачиха-гинекологша чуть коньки не отбросила, когда увидела, что я девочка.

– Она что, ожидала увидеть мальчика у себя на кресле? – хохотнули соседки.

– Ну, в смысле, что я целочка. «Как же так? – закудаhtала. – Ведь вы же явно беременны!» «А я, – говорю, – без понятия. У меня, – говорю, – ни с кем ничего не было».

– Не п...и! – лениво бросили с дальней койки. – Я читала, так случается. Твой хилак не сумел тебя распечатать. Моей сестре такой же слабосильный попался – месяц долбил, и все без толку. Ее аж всю скрючило-скособочило. Пришлось шкандыбать к эскулапам. Так ветеринар орал на всю поликлинику. «До чего ж ты, – говорит, – сучий потрох, бабу довел?» Он ей потом, кстати сказать, сам и помог. Безвозмездно.

Визгливый голосок поднялся до заоблачных высот:

– Не было у нас ничего! Мать моя развонялась, а я говорю: «Может, мне в троллейбусе надуло!» Шчас, говорят, террористы какую-то заразу в метро пускают, чтобы русские женщины от них беременели...

Терпеть это было решительно невозможно, и так настроение не самое праздничное, а предстоял еще «вечер воспоминаний». Соня потеряла уши и поднялась, чувствуя подступающую тошноту от этого невыносимого, как скрежет металла по стеклу, голоса. Но, проходя мимо не умолкающей, совсем еще юной девицы, не удержалась и спросила:

– Вас, случайно, не Марией зовут? Вам ангелы с крыльями по ночам не являются?

Девки дружно заржали, а Соня отправилась на сестринский пост и попросила перевести ее в другую палату.

– У нас абортируемые лежат в этой, – отрезала медсестра, не поднимая головы.

– Ну какая вам разница? Я же все равно уйду послезавтра... Я вас отблагодарю.
Сестра обратила на нее заинтересованный взгляд.

Соня вытащила из кармана пятьсот рублей.

– В шестой палате есть одно место, – задумчиво проговорила сестра. – Но главный держит его для своих...

Соня достала еще одну бумажку.

– Ладно, – решила комммерсантка, небрежно стряхивая деньги в ящик стола. – Идите в шестую палату, но если главному понадобится место... – развела она руками.

– А завтра, когда вы сменитесь, меня оттуда не турнут?

– Я скажу, вы от главного...

Палата номер шесть оказалась двухместной, и там уже обитала круглолицая улыбчивая женщина лет пятидесяти пяти, то есть того самого возраста, за которым Соне и мерещилась беззубая старость.

– Вот и славно, – обрадовалась она. – Вдвоем веселее коротать больничное одиночество. Меня зовут Наташа, Наталья Николаевна. Устраивайтесь, и будем обедать. У меня столько вкусного!

– Боюсь, я сейчас плохая сотрапезница. Токсикоз, – пояснила Соня.

– Тогда не буду вас мучить, знаю, что это за прелесть. Вы на сохранение?

– На аборт, – сказала Соня и вдруг расплакалась перед этой незнакомой женщиной и рассказала ей о своих бедах – выдала монолог в стиле Нинки Капустиной, из которого получалось, что все в ее жизни плохо, просто ужасно, куда ни кинь – всюду клин. А дело в проклятой квартире, вернее, в полном ее отсутствии, потому что нельзя же считать достойной жилплощадью мерзкую ночлежку, в которой она обитает, набитую народом как селедкой в бочке! Ведь если бы у нее была своя квартира, пусть крохотная, однокомнатная, но своя, Даник давно бы к ней переехал, и они, конечно же, оставили бы этого ребенка. Потому что на самом деле он только ее и любит – все остальное просто трагическое стечение обстоятельств. Жизнь сама все расставила по своим местам – он попробовал без нее и не смог. И она без него не сможет – второй-то раз уже точно! – а значит, должна, обязана сохранить даже ценой своего ребенка, которого он не то чтобы не хочет, но, как ответственный человек, понимает, что нельзя изначально обрекать на ничтожное прозябание маленькое беззащитное существо. Да, он женат и имеет дочку (единственное, что терзает ее, Соню). А перед женой его, Полиной, она ни в чем не виновата. Ведь если бы Даника все устраивало в семье, если бы ему было хорошо дома, разве он вернулся бы к ней, к Соне? Ни-ко-гда! А он к ней *вернулся*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.